Олег КОЧЕТКОВ
Я ладонь положил на равнину...

КИЕВСКИЙ ВАЛЬС
«Снова цветут каштаны,
Слышится плеск Днепра», –
Словно небесной я манны
Ждал… Это было вчера!
Необратимым укором,
Только я трону баян,
Ныне стоит перед взором
Ваш закопчённый майдан!
Братья, что ж вы сотворили,
Выстыдились на весь свет?
Гукнется вам и в могиле,
Впредь до скончания лет!
Тронул баян, но ни в ноту
Я ни в одну не попал…
Навык свой весь растерял.
Как же я раньше-то с лёту
Пуговки смело терзал?
Вольно, свободно играл…

* * *

Назовите его «Сталинград»,
Этот город в степях Волго-Дона,
Да устройте всемирный парад
С торжеством колокольного звона!
Да с салютным сияньем огня
И с неслыханным песнопеньем,
Чтобы солнце от этого дня
Рассиялось по всем поколеньям!
Чтобы возликовала земля,
Как ещё не бывало от века:
От вершины священной Кремля –
До последнего человека…

* * *

Не от горнего света стезя
Просквозила родную державу.
Не пытайся, слезою блестя,
Уцепиться за память дыряву.
И души измочаленный лад
Не пристраивай к общему ладу.
Кто в миру благочестен и свят –
В монастырскую дышит ограду!
А иные, как овцы в ночи, –
По безверью, как по бездорожью!
Не окликнуть, кричи – не кричи,
Ни слезой, ни сердечною дрожью!
И хоть в поле себе выходи,
В стороне от бытийного смрада,
Даже здесь – не забрезжит в груди
Ощущенье вселенского лада!
Погляди, как всерьёз вознеслось
Матерьяльное всюду, земное,
Пронизало все будни насквозь,
Искусило, попрало собою!
Сокровенное кануло вдаль,
А в изодранных токах пространства –
Твоя немо восходит печаль,
Обретая уже постоянство…

1985

* * *

Туман неподвижен, в низине,
Роса на траве, будто град,
И дух невозможный полыни –
Подошвы босые горят!
И воздух густой чуть клубится,
Душистый, бескрайний покой…
И мнится: здесь что-то таится,
И что-то такое случится
Над чуткой, недвижной рекой…
Какое-то в сердце томленье,
Мерцание в смутной душе,
Родное, на грани моленья,
Всего-то одно лишь мгновенье –
И нет тебя в мире уже…

НЕИЗБЕЖНОСТЬ
Тиходумная радость – брести босиком
По просёлочной, пыльной, родимой,
И соскучившимся, пытливым глазком
Примечать свет, едва уловимый,
От упругой, волной убегающей ржи,
Чуть разбавленной васильками,
Над которой стригут
знойный воздух стрижи,
Прошивая косыми стежками.
Ни комбайн и ни трактор – тебе на пути,
Ни какая иная машина.

Вот бы так всю-то жизнь
мне по жизни идти –
Не брала б никакая кручина!
В стороне от дневной суеты городской,
Где бытую, в заботы погрязнув
(Почему-то всегда их бывает с лихвой!),
В стороне от никчемных соблазнов.
Не колышется тень, убывает мой день,
Всё короче мой шаг (ведь не молод!).
Было в жизни плохого,
хорошего – всклень,
Но опять приближается город.
Надвигается всею громадой своей
Всё отчётливей, неотвратимей.
Куда деться: жалей – не жалей,
Всё постылее и – необходимей…

* * *

Бимки нет уже пятое лето…
Был он преданным другом моим!
Не почуяла это – планета,
Как он чуял всё нюхом своим!
Как по всей мы Лосиноостровской
Помотались с ним вдоль-поперёк!
Каждый кустик он знал и пенёк,
Перед каждою ёлкой, берёзкой
Останавливаясь на чуток…
Карим взглядом своим, нежнейшим,
Он мне в самую душу смотрел.
По движеньям моим по малейшим
Распознать настроенье умел!
Ах, какими мы были родными:
Ведь глядел же, все годы и дни,
Беспокойно глазами своими –
Он в такие же точно – мои!
Ускользает какая-то тайна
От меня… На душе нелегко…
Он глядел так тревожно, печально, –
Знать, была она – и у него!
Знать, была, но иная – собачья…
Но родная, такая же, зрячья,
И кричу я религии всей:
Верю, знаю, – была, хоть убей!..

* * *

Лишь однажды убил я змею,
На пеньке она грелась замшелом.
Как сейчас – перед нею стою,
Себя видя и ловким, и смелым.
На куски я её искромсал
Подвернувшимся дрыном ольховым,
И от радости чуть не плясал,
Возгордясь ощущением новым.
Не святая была простота –
До сих пор не прощу себя-гада:
Помню, сразу – в душе пустота,
Только горечь лишь в ней и досада…

СВЕТ
Небесный свет – вместилище надежд,
Которые в миру не воплотились,
А лишь слезою скупо осветились,
В дрожащей бездне утомлённых вежд.
Отчизны даль, от реющих обид
Знобит над беспросветным бездорожьем.
И промыслом всечеловечьим, Божьим
Её простор мучительно болит!
И высь над ней – незыблемый завет,
Соединенье помыслов скорбящих,
Судеб её рыдающе-щемящих,
Из вещности – переходящих в свет!

ДОВЕРИЕ
Доверяю российскому полю
И неистовым свежим ветрам
Свою добрую, ясную волю
С тихой радостью пополам.
Я обет этот свой не нарушу
До последнего, крайнего дня.
Доверяю мятежную душу –
Это всё – то, что есть у меня!
До последнего в жизни предела,
Когда выдох мой канет вдали,
И душа, и наивное тело
Были горстью вот этой земли.
Не отсюда ль и совести мера?
Мудрено душу с телом разъять!
И прекрасна последняя вера,
Что они – станут полем опять.

НЕЗАЩИЩЁННОСТЬ
Смеркается. Как быстро тьма бежит!
И мысли безнадёжные повисли –
О тайне бытия, о смысле
Всего того, что на ветру дрожит.
Который раз, задумавшись в ночи,
Нет мочи над собою приподняться.
Что толку на кого-то там ссылаться!
Смотри на звёзды, думай и молчи…
Тебе опять тот смысл не превозмочь,
И никому. И слава Богу!
И льётся себе Млечная дорога,
И чутко по земле ступает ночь.
И ты один стоишь, незащищён,
Перед её ликующим вторженьем
Невиданным, таинственным растеньем…
На долгое раздумье обречён.
Раздумье – уподобилось беде,
Но всё ж опять летишь за ним без страха.
Лишь ветром обдувается рубаха,
А тело и душа – незнамо где!

ГРУСТЬ
Ни печали, ни сплина,
Ни хандры, ни тоски.
Золотая равнина,
И на ней – колоски.
Время жатвы приспело,
Я труда не боюсь,
Принимаюсь за дело –
В сердце – русская грусть!
И причины нет вроде,
Но за что ни возьмусь,
А она – на подходе –
Эта русская грусть!
Я то трезвый, то пьяный,
То грешу, то молюсь!
А в душе постоянно –
Непонятная грусть.
Встану рано сегодня
И вокруг оглянусь:
Боже, это ведь – Родина!
Ах ты, Мать моя – Русь!
Беспросветная грусть…

* * *

Озимь под снегом. Погодка
Выдалась не ко двору.
Эх, озорная походка,
Да на слезящем ветру!
Дома сольёмся дыханьем…
И полушалок к ногам…
Тихим и грустным сияньем
Шелест волос по губам…
В печке заноют поленья,
Ночь с распростёртых полей
Выпадет как искупленье
Скучных и пасмурных дней.
С выдохами ледяными
Над занесённой избой…
Имя, шептать твоё имя –
Жизни не хватит самой…

СОВЕСТЬ
Развиднеется день понемногу,
И увидишь, как много тщеты
Возле смысла – стремиться к итогу
Человечности и красоты.
На исходе своих разумений
Ты в конечном итоге поймёшь,
Что не может быть
нескольких мнений
У вопроса – зачем ты живёшь?
Миг минувший даётся на вырост,
И сомнения – напрочь отринь!
Только совесть одна тебя выдаст,
На губах загорчив, как полынь…
Только совесть. Она тобой правит,
И она – твой желанный удел!
Пусть гнетёт твою душу и давит.
А чего ты иного хотел?

* * *

Воздух прогрелся. И дали ясны.
Тени – в тени отдыхают.
Чувство прикаянности и новизны
Душу не покидает.
Снова трава на откосах шуршит,
Ветру свой вздох поверяя.
Сколько под нею бессмертных лежит!..
Родина – рана сквозная.
Смею дышать твоей пылью степной
И припадать к твоим безднам.
Ты предо мною и надо мной –
В вихре земном и небесном!
Снова касаюсь извечных путей,
Думы, что с плеч не спадает:
Чем легковеснее, тем тяжелей
Спину к земле преклоняет…

РОДОСЛОВНАЯ
Я ладонь положил на равнину,
И сквозь кожу пошёл смутный гул…
Долго слушал я песню едину,
Пока в пряной траве не заснул.
А заснул – так приснилось такое,
Чему времени нет и конца:
Раздвигал я пространство рукою
До забытого ветром крыльца.
А на нём – не князья да бароны
И другая дворянская знать:
Чёрный ворон бьёт долу поклоны,
А вокруг – никого не видать…
И напрасно рука раздвигала
Пред собою пространства кольцо:
Лишь одно, лишь одно выпадало –
Только поле и только крыльцо!
Хоть лица ускользающий высвет,
Хоть бы голос неясный, глухой!
Пусть унизит меня – не возвысит,
Только б знать: кто, откуда, какой?
Лишь крыльцо да широкое поле –
Вот и всё… Остальное – темно.
Нет на свете возвышенней доли –
Знать, что большего знать не дано!
…Я лежал средь притихшей полыни,
Окуная лицо в облака.
И лежала рука – на равнине,
А на сердце – другая рука!

ГОРСТЬ ЗЕМЛИ
Горсть землицы сырой
подержал на ладони –
И живое тепло ощутил,
И вдали замерцали прыскучие кони,
Чуть подале небесных светил.
И в глубоком, поросшем осокой затоне
Водяной себе вслух загрустил.
Восставали из мрака такие виденья –
О которых не скажешь пером!
То ли лапти скрипели, то ли растенья,
То ль на окских излуках паром?
А в душе распахнулись такие владенья!
А потом – покати-ка шаром –
Лишь ладонь я разжал,
и вернулась землица
К животворной юдоли своей.
Но не мог я никак до конца отрешиться
От того, что живого – живей.
Всё стоял перед ней
и шептал – да святится
Её имя – до самых корней,
До полынных, до наших кровей!

1984

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ДЕРЕВНИ ШЕРЕМЕТЬЕВО
Незавидная местность:
Косогор, осокорь.
И я весь – бестелесность,
И желанная хворь…
В Лапотке поплещусь я –
Он почти ручеёк.
Он – душе моей устье,
Босоногий исток.
Подойду к осокорю,
И щекою – к коре.
Я с шершавой корою –
В занебесной поре,
Где я жёгся крапивой –
Не тщетой бытовой…
Дед и бабушка – живы,
Где я – вровень с травой, –
Беспорточный, босой,
И с такой же душой,
Окроплённой росой…

ОСОКОРЬ
Хорошо на заре, да по росам
Обжигающим, да босиком!
Под родным осокорем белёсым,
И в гортани – нетающий ком!
Босоногим ты и голоштанным
Этой Ряжской земле присягал,
И таким же вот утром туманным
Здесь на цыпочках лёгких порхал.
Шестьдесят пролетело, с лихвою,
Лет твоих, от тебя в стороне, –
Осокорь же густою листвою
Над тобой шелестит в вышине,
Как и в прежние годы, былые,
Поросли что прогорклым быльём.
Ну, а листья, такие живые, –
О своём шелестят, о твоём…

ОВЦА
Подкатили чуть свет
К голубому крыльцу.
Беспокойный наш дед –
Сразу резать овцу.
Но не сам, в сердце дрожь,
А сосед был мастак,
Усмехнувшись, взял нож:
«Знамо, я не за так…».
Кто постарше, кто мал,
Жались мы – ребятня,
Когда кровь он смывал
Во дворе у плетня.
Я глядел не дыша
И мерещилось: тут
Не вода из ковша –
Мои слёзы текут.
Я тогда по летам
Понял истину зла:
Не приехать бы нам –
И овца бы жила…

1972

---

* * *

Я Русь люблю – боры её и кручи,
И шелест палевый
колышущихся трав,
И солнце, что коровой красной, тучной
К реке спускается
сквозь вещий шум дубрав.

Но не за то ль,
что сердцу драгоценно,
За то, чем и дарил, и дарит Спас,
За то, что и мгновенно и нетленно,
Другие царства смотрят зло на нас?

За эти вот немыслимые дали,
Где, встав на воздухе,
как и века назад,
Над нами Божья Матерь расправляет –
И ветер на руки берёт лазурный плат.

За руды чёрные,
за самоцветов груды,
Что все еще хранит во чреве твердь,
За стены сосен, чьё дыханье чудно
Земли отравленной одолевает смерть.

И вот шипят:
достойна ль Русь наследий?! –
В тоске угрюмой – целое разъять,
И сквозь вьюнки, султаны, венцы
из комнаток, где сыро и душно,
глаза на свет таращат птенцы,
высовываясь с писком наружу.

Сквозь пальцы жёлтой пижмы, осок
к воде, где тальники
хлещет ветер,
течёт с обрывов белый песок,
живое примиряя со смертью.

* * *

Тревожно в Москве,
и в России тревожно, и в мире
Тревожно, все бредят войной,
говорят о войне.
Со страхом леса
чутко слушают мысли людские,
И в изнеможении
клонятся ветви к земле.

Пугающи вести:
то высохнет древний колодец,
То выжжет поля,
то Мамаем пройдет ураган.
Кровавые слезы
набухли в очах Богородиц,
И ладаном пахнет
все гуще по русским церквям.

* * *

Обмирает душа
от дыхания горьких черёмух.
Уж ломали-ломали,
живьём обдирали корьё. –
Вновь роятся цветы,
точно пчёлы,
стряхнувшие дрёму.
И я слушаю, Русь,
как колотится сердце твоё.

Бродит вешняя кровь.
Всюду белое да золотое. –
Словно плат Богородицы
бьётся на синем ветру.
Ты сегодня лучишься
такой неземной красотою!
От слепящего света
я слёзы, не прячась, утру.

Но как больно мне думать,
что дни твои
выжжены смутой,
Что за честь и за власть
ненасытные бьются князьки,
Что кому-то ты видишься
лишь одеялом лоскутным
И готовы тебя ни за грош
разодрать на куски.

* * *

Светилась призрачно озёрная равнина,
Толпой густою подступали к берегам
Черёмухи, по щиколотку в глине,
Развесив чёрные сырые жемчуга.

В блестящей мураве
размокшая дорога
Вела к реке через косматые луга.
Ступали тучные небесные коровы,
Роняя капли дождевого молока.

Раскачиваясь, шли, сшибаясь лбами,
В холодных сполохах,
средь набухавшей тьмы,
Над чёрными сожжёнными дубами,
Что стыли идолами в травах вековых.

И ни души в лугах
и в роще заповедной –
Молчанье синих гор,
зарниц тревожный взлёт.
Лишь двое рыбаков, ведя велосипеды,
Протоку по камням одолевали вброд.

Приди на Русь Христос
муравчатой дорогой,
То, верно, как и встарь,
позвал бы за собой
Суровых рыбаков,
в пропахших солью робах,
Торящих путь в простор
к реке предгрозовой.

* * *

Власть – за власть,
а чернь – за жизнь трясётся.
Разжимаешь руку – горсть трухи.
Что нам на руинах остаётся?
Пить вино да сочинять стихи.

Да, хотелось, чтоб сдвигались горы,
ливень затихал в глухую тьму,
чтобы прекращались злые моры
и война по слову моему.

Сам Господь не положил предела:
веруйте – и будет вам дано.
Но не та, не та, как видно, вера,
даже не с горчичное зерно.

Всё на месте: и чума и войны,
как от сотворения веков,
страх и низость,
хамство, тюрьмы, бойни,
злобные ухмылки дураков.

Кровь и распри, всё, как и вначале,
и в толпе не разглядеть лица.
Как сердца поэты не смягчали,
что-то не смягчаются сердца.

Но пишу, так в небо тропка рвётся,
то взбежит, то вниз падёт без сил,
где нам знать, как слово отзовётся,
как когда-то Тютчев говорил.

Может, кто-то на страницу глянет,
скажет: ручьевой воды глоток;
может, кто-то петлю не затянет,
коль поймёт, что он не одинок.

В хаосе, в обманчивой цифири,
средь лучей и листьев ворожа,
всё поёт, всё плачется о мире
бедная мятежная душа.

19 декабря 2021

Марина КОТОВА
Не воздух пью, а золотую сому...

Повыдрать когти
Русскому Медведю,
Хозяином в его владеньях стать.

Плевать растлившимся,
что плачут кровью лики,
Чужда им жажда
душу сохранить,
И наша щедрость –
сильных и великих:
Отдать, помочь, собою заслонить.

И невдомек копающим могилу
Народу русскому –
так свет Телец застил –
Затихни Русь –
живое сердце мира,
И оскотинится, и омерзеет мир.

ОБРЫВЫ
Обрывы – будто древние города,
разрушенные варварами стены.
Внизу немолчно плещет вода,
подтачивая их постепенно.

Метёлки пахнут пряно, полынь,
вьюнок завил высокие склоны;
а в кладке красно-мраморных глин,
песков слепящих – ласточек норы.

Нигде не укрыться:
стал мир проницаем для боли,
Всё зло ополчилось,
всё тёмное враз поднялось.
Лишь чувствуешь смутно
в творящемся грозную волю,
Любовь, от которой
по коже проходит мороз.

СМЕРТЬ СВЯТОСЛАВА
Эта смерть и страшна, и чиста,
как слепящий огонь,
Без пелен погребальных,
без жёлтого женского воя.
Вот встает над порогами,
чёрной бурливой рекой,
Собирается с силами
к бою последнему воин.

Печенеги кругом,
а дружина у князя мала,
Не для всех, розовея,
заблещет лучами денница,
Чьё-то сердце пробьет,
задрожав опереньем, стрела.
Мы хотим или нет,
все равно нам
придется сразиться.

Где-то волны Дуная,
как думы, идут чередой,
Там начало Руси,
там великая родина предков,
Может, больше,
чем битвы,
любил он простор голубой,
И дыханье степей,
и калины цветущие ветки.

Не затмит его славу
историков новых орда,
Ни хазарская ржавь,
ни Сиона лукавые дщери,
Его имя гремит,
как грохочет
в порогах вода,
И взывает к потомкам
окованный золотом череп.

И как больно смотреть,
что тебя унижают и топчут,
Ту, чьи храмы и травы
взошли на пролитой крови,
Что смелеют безродные шавки
и лают все громче
На победы твои
и на горькие беды твои.

Но я верю в тебя.
С этой верою жить мне не страшно.
И пока не иссякла
в нас память, до этой поры
Есть защита у нас –
все небесное воинство наше…
Белый плат Богородицы
русскую землю накрыл…

СОМА
Опять шиповники
в широких плоских чашах
Несут, расплёскивая,
мёд и жар полдневный.
В крапивные повдоль заборов чащи
Жасмин в шелках вплывает белопенных.

Цветы от красоты своей хмельные
И тянутся раскрыть друг другу душу.
Чудесным образом
сквозь стены травяные
Проходит ветер и соцветья рушит.

То ароматы тяжелы, то невесомы.
Вся сила жизни в солнечных объятьях.
Не воздух пью, а золотую сому,
Что приготовил древний волхователь.

Пьяна и счастлива,
со всем едина миром,
И мнится, не жасминные созвездья,
Не белые цветы глухой крапивы –
Стихов поют-качаются соцветья.

И утаить их – это святотатство.
Просить оплаты –
вздор, дарю живущим
Ничем не исчислимые богатства –
Подслушанные у богов созвучья.

Анастасия ПОРОШИНА
В истоке неба

* * *

Льняное небо ласковой рекой
Струилось вольно – и в его истоке
Мы собирали камушки, и столько
Чудес в ладонях было – Боже мой!

Наивно ли апреля торжество,
Когда земля ещё не верит смерти,
Когда глубин небесных не измерить
И пламя рвётся трепетной листвой?

Но подступают фронтом грозовым
Над горизонтом сизые знамёна –
И застываем мы ошеломлённо,
Ещё не зная, что же сохраним…

* * *

Долгий февральский сон:
Ласточка ткёт гнездо –
Воздух крылами бьёт,
В тонкий свивая жгут.
Красною нитью свет
Свой оплетает дом.
Только бы уберечь
Слабый тепла лоскут…

Не выпуская свет
В смутный ночной зенит
(Ласточкино гнездо
В доме – всегда к добру!),
Хмурит брови февраль,
А небо его звенит,
Жизнь запустив по венам
Усталых рук.

* * *

Осень сжимала кольцо тоски.
Мы же бродили, ладонь к ладони,
Там, где остались следы реки –
Камушки, пёрышки, шёпот донный…

Что ты узнал? От чего меня
Прятал в высоком шатре объятий?
Изгнанный отсветами огня,
Мрак отступал, к закоулкам пятясь…

Только и памяти – рук тепло,
Пригоршня слов и тропинок узел.
Шёпотом, шелестом утекло
Время – в иссохшее речье русло.

ИЗЛУКА
Запомни эту ночь. Ревнивая луна
Крадётся в облаках. На полотне озёрном
Июльские ветра выводят имена,
И свету в темноте тревожно и просторно.

Запомни эту ночь
в кольце сплетённых рук.
Исчеркана строка, но найдено ли слово?
На берегу одной из множества излук
Воскреснут имена –
и мы вернёмся снова.

И сколько бы времён от нас ни утекло,
Не исчерпать вовек
бездонной звёздной чаши…
Сквозь плач прибрежных ив
виднеется крыло
И профиль над водой
изогнутый, лебяжий.

* * *

По твоему молчанью – по кострищу,
Мерцающему красными углями,
Танцую босиком, и промедленье
Клеймит стопу нечаянным ожогом.
И кажется: легко шагнуть на землю,
В прохладную траву, и смыть росою
Тревогу и золу. Но есть лишь угли,
А мир ещё на грани сотворенья.

Ночь неизбывна. Искрами во мраке –
Границы бытия. И танец длится,
Пока порывом не раздует пламя
Иль под ногою музыка не смолкнет…

* * *

Не слепить из воска и молока
Человека. Ока с высоты тонка.
Стюардесса, царственная Лилит,
В темноте над левым плечом стоит.

Самолёт в повороте берёт наклон.
У реки тасует колоду клён.
Алой масти россыпь краплёных карт –
На сукно стола – городской асфальт.

А по правую руку горит заря,
Наступившее завтра огнём творя.
И в плече отзывается дрожь крыла –
То Лилит вздохнула и отошла…

* * *

На проточную воду, на серебряную струю
Я пою и плачу, плачу и говорю.
Говорю с тобой для того, чтобы никогда
Этих слов к тебе не донесла вода.

Пусть уходят в землю,
встают молодой травой,
Частоколом весенним
пронзают бессильный вой,
Вызревают цветами,
колосьями, сорняком,
Но молчат под косами –
что они и о ком.

* * *

Время свернулось в узел весну назад,
Будто змея сворачивается кольцом.
Знать бы, что больше тебе ничего сказать
Я не смогу – сказала бы обо всём…

Время лежит за пазухой. Каждый вздох
Чувствует злые жилы его узла
Кожей, мурашками,
дрожью вдоль позвонков.
Я бы не удержала и не спасла…

Только успеть дыханье перевести…
Нет на земле силы разъять кольцо.
Время пригрелось на зябкой моей груди –
Камнем? Змеёй?
Трепещущим ли птенцом?..